

Наконец автором разобраны два душевно-больных преступника. Это Смердяковъ („Братья Карамазовы“) чловѣкъ съ преступной организаціей и Раскольниковъ („Преступленіе и наказаніе“) лицо съ организаціей патологической. Послѣдній уже былъ разобранъ проф. Чижемъ въ его статьѣ „Достоевскій какъ психопатологъ“.

Въ заключеніи авторъ останавливается на вопросѣ о значеніи романа „Преступленіе и наказаніе“. Значеніе этого романа велико. Никто, кромѣ Достоевскаго, не могъ изобразить весь ужасъ преступленія для честнаго чловѣка; лишь преступники по натурѣ, не способные переживать тѣ муки, которые переживалъ Раскольниковъ, могутъ совершать преступленія; это есть убѣдительное доказательство въ пользу ученія о преступномъ чловѣкѣ. Но здоровые честные люди не совершаютъ преступленій, а потому герой Достоевскаго психопатъ, не лишенный нравственныхъ чувствъ, онъ чловѣкъ честный, но больной, это „образъ будущихъ террористовъ, убивающихъ по теоріи и страдающихъ, какъ честные люди“.

В. Образцовъ.

П. И. Ковалевскій. Преступленія и ревность.—Журн. Мин. Юст. 1901.

Преступленія, совершаемыя подъ вліяніемъ ревности явленіе не рѣдкое, и само чувство ревности старше чловѣчества, ибо проявляется и въ животномъ царствѣ. Однако, количество работъ, посвященныхъ тщательному изученію этого извѣстнаго каждому чувства, далеко не соотвѣтствуетъ жизненному запросу.

Приведа три, крайне интересныхъ судебныхъ случая, въ основѣ которыхъ лежала исключительно ревность, авторъ высказываетъ свои соображенія на ревность и на чувства, съ которыми она обыкновенно смѣшивается.

Авторъ не сторонникъ взгляда, что любовь и ревность неразлучны между собою, что „любовь безъ ревности, едва ли даже любовь“; по его мнѣнію, это два чувства парализующія другъ друга. Чувство любви „безкорыстно, непритязательно и не требуетъ взаимодѣйствія и благодарности отъ любимаго существа“; добавленіе къ этому чувству страсти, а особенно сексуальной, понижаетъ достоинство и качество любви и по-

темняет его пропорционально количеству примѣси страсти. Тѣмъ не менѣе даже въ этой животной любви, нѣтъ еще залага ревности. Она начинается съ появленіемъ новаго духовнаго элемента—сомнѣнія и недовѣрія къ любимому человеку. Авторъ останавливается лишь на проявленіи ревности, когда любимый предметъ не даетъ къ тому повода.

При подобныхъ условіяхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ основа ревности лежитъ въ натурѣ самого человѣка, носящаго въ себѣ дефектъ сомнѣнія, недовѣрія и подозрительности; люди эти слишкомъ нервные, впечатлительны, лишены равновѣсія, устойчивости и полноты жезвеннаго идеала. Шагъ за шагомъ авторъ слѣдитъ за развитіемъ чувства ревности и въ теченіи различаетъ три періода: періодъ скрытаго состоянія, или внутренняго сосредоточія и формировація чувства и бреда въ самихъ себѣ, періодъ внѣшняго агрессивнаго проявленія ревности, который можетъ остаться пожизненно, и наконецъ третій періодъ—бредоваго психоза ревности, или параноическаго состоянія.

Какъ причины ревности авторъ выставляетъ патологическую наслѣдственность и пьянство. Въ отношеніи послѣдняго онъ дѣлаетъ поправку, что и пьяницы не все проявляютъ бредъ ревности, а только тѣ, у которыхъ въ основѣ лежитъ патологическая наслѣдственность отъ рожденія, но алкоголь имѣетъ особенное тяготѣніе къ проявленію и вызову ревности.

Къ числу причинныхъ моментовъ ревности нѣкоторые особенно Moreau de Tours, относятъ дѣтскій и старческій періодъ жизни, но авторъ дѣтскую ревность склоненъ считать завистью, а старческую—слабоуміемъ.

Что же касается, такъ сказать клинической картины ревности, то можно различить двѣ формы: аффективную и параноическую; алкогольная же ревность, это лишь часть дѣлага. Она не есть самостоятельная форма и можетъ проявляться то въ формѣ аффективной, то въ формѣ параноической, развиваясь у лицъ, имѣвшихъ подготовленную дегенеративную почву и предрасположенныхъ къ ревности.

В. Образцовъ.